

КЛАССИКА В ШКОЛЕ

Н. М. Рубцов

*В горнице
моей светло...*

Николай Михайлович Рубцов
В горнице моей светло... (сборник)
Серия «Классика в школе»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3027835
Н.М. Рубцов. В горнице моей светло... Стихотворения: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55460-7*

Аннотация

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучающиеся в начальной школе, средних и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

В книгу включены стихотворения Н. М. Рубцова, которые изучают в 6 и 11-м классах.

Содержание

Видения на холме	7
Ты с кораблем прощалась	9
Оттепель	10
«Я весь в мазуте, весь в тавоте...»	11
Мачты	12
На Родину!	13
Соловьи	14
«Пора любви среди полей...»	16
Фиалки	17
Плыть, плыть...	19
Букет	20
Куда полетим?	21
Не пришла	22
В городе	23
Элегия	24
В горной долине	25
В пустыне	26
Венера	27
Последняя осень	28
Сергей Есенин	29
«Брал человек холодный мертвый камень...»	30
«О чем шумят друзья мои, поэты...»	31
В гостях	32
Эхо прошлого	34
Свидание	36
Шутка	37
Грани	38
«Давай, земля...»	39
Памятный случай	41
«В твоих глазах...»	42
По дороге к морю	43
«Листвой пропащей, знобящей мглюю...»	44
Улетели листья	45
В горнице	46
Судьба	47
«Я буду скакать по холмам...»	49
Над вечным покоем	51
Осенняя песня	52
Синенький платочек	53
«По мокрым скверам проходит осень...»	54
Тихая моя родина	55
Памяти матери	56
Философские стихи	57
Аленький цветок	59
Русский огонек	60
Звезда полей	62

Элегия	63
Хлеб	64
Ночь на перевозе	65
«Сапоги мои – скрип да скрип...»	66
На вокзале	67
Стихи	68
«Я переписывать не стану...»	69
О Пушкине	70
Дуэль	71
Однажды	72
Приезд Тютчева	73
«Уединившись за оконцем...»	74
Утро	75
Прощальный костер	76
В избе	77
Кружусь ли я...	78
Из восьмистиший	79
1	79
2	80
3	81
4	82
5	83
6	84
7	85
Песня	86
Жар-птица	87
Осенние этюды	89
1	89
2	90
3	92
«У сгнившей лесной избушки...»	93
Зимняя песня	94
Зимовье на хуторе	95
Родная деревня	96
Промчалась твоя пора!	97
Весна на берегу Бии	98
Старая дорога	99
Душа хранит	100
На реке Сухоне	101
По дороге из дома	102
Жара	103
«В полях сверкало. Близилась гроза...»	104
После грозы	105
На озере	106
Природа	107
«Седьмые сутки дождь не умолкает...»	108
«В святой обители природы...»	109
Девочка играет	110
Нагрянули	111

«Огороды русские...»	112
«Окошко. Стол. Половики...»	113
«Прекрасно небо голубое...»	114
Шумит катунь	115
В сибирской деревне	116
«Сибирь, как будто не Сибирь!..»	118
«Ночь коротка. А жизнь, как ночь...»	119
Цветы	121
На сенокосе	122
Осенняя луна	123
Журавли	124
«А между прочим, осень на дворе...»	125
Острова свои обогреваем	126
В минуты музыки	127
«Ветер всхлипывал, словно дитя...»	128
Идет процессия	129
Ось	130
Зеленые цветы	131
Отплытие	132
Детство	133
Ночь на родине	135
В глуши	136
В старом парке	137
Взглянул на кустик	139
Купавы	140
Старик	141
Посвящение другу	142
В лесу	143
1	143
2	144
В осеннем лесу	145
На ночлеге	146
На автотрассе	147
Последний пароход	148
О московском Кремле	150
Во время грозы	151
У размытой дороги...	152
Вечерние стихи	153
Зимняя ночь	155
Сосен шум	156
Неизвестный	157
Кого обидел?	158
Ночное	159
Наступление ночи	160
Подорожники	161
Привет, Россия...	162
Гуляевская горка	163
Цветок и нива	164
Вологодский пейзаж	165

Тот город зеленый...	166
Прощальное	167
Бессонница	168
До конца	169
Поезд	170
У церковных берез	171
Слез не лей...	172
Осенний этюд	173
Листья осенние	174
Выпал снег...	175
Гололедица	176
Зимним вечерком	177
Поэзия	178
Далекое	179
Скачет ли свадьба...	180
Ферапонтово	181
«Чудный месяц плывет над рекою...»	182
«Село стоит на правом берегу...»	183
Стоит жара	184
По вечерам	185
«Уже деревня вся в тени...»	186
Дорожная элегия	187
«Осень! Летит по дорогам...»	188
В дороге	189
Под ветвями больничных берез	190
Гость	191
Расплата	192
Сентябрь	193
Конец	194
«Я умру в крещенские морозы...»	195
«Я люблю судьбу свою...»	196
«Мы сваливать не вправе...»	197
Что вспомню я?	198

Николай Михайлович Рубцов В ГОРНИЦЕ МОЕЙ СВЕТЛО... Стихотворения

Видения на холме

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмив на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батяя...

Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России.
Кресты, кресты...

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —

бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

1962

Ты с кораблем прощалась

С улыбкой на лице и со слезами
Осталась ты на пристани морской,
И снова шторм играет парусами
И всей моей любовью и тоской.

Я уношусь куда-то в мирозданье,
Я зарываюсь в бурю, как баклан, —
За вечный стон, за вечное рыданье
Я полюбил жестокий океан.

Я полюбил полярный город
И вновь к нему из странствия вернусь
За то, что он испытывает холод,
За то, что он испытывает грусть,

За то, что он наполнен голосами,
За то, что там к печали и добру
С улыбкой на лице и со слезами
Ты с кораблем прощалась на ветру.

1962

Оттепель

Нахмуренное,
с прозеленью,
небо,
Во мгле, как декорации, дома,
Асфальт и воздух
Пахнут мокрым снегом,
И веет мокрым холодом зима.
Я чувствую себя больным и старым,
И что за дело мне до разных там
Гуляющих всю ночь по тротуарам
Мне незнакомых девушек и дам!
Вот так же было холодно и сыро,
Сквозил в проулках ветер и рассвет,
Когда она задумчиво спросила:
– Наверное, гордишься, что поэт? —
Наивная! Ей было не представить,
Что мне для счастья
Надо лишь иметь
То, что меня заставило запеть!
И будет вечно веять той зимою,
Как повторяться будет среди зимы
И эта ночь со слякотью и тьмою,
И горький запах слякоти и тьмы...

1962

«Я весь в мазуте, весь в тавоте...»

Я весь в мазуте,
весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!

Печально пела радиола
Про мимолетный наш уют.
На камни пламенного мола
Матросы вышли из кают.

Они с родными целовались.
В лицо им дул знобящий норд.
Суда гудели, надрывались,
Матросов требуя на борт.

И вот опять – святое дело!
И наш корабль заботой полн,
Совсем не так осиротело
Плывет среди бескрайних волн...

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал.
Чтоб для отважных вечно – море,
А для уставших – свой причал...

Ленинград, март 1962

Мачты

Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной морской, —

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозное свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забвенье,

Будто все начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час
Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.

Это кажется мне невозможным.
Все мне кажется – нет забвения!
Все я верю, как мачтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.

1962

На Родину!

Во мгле, по холмам суровым, —
Без фар не видать ни зги, —
Сто километров с ревом
Летели грузовики,
Летели почти по небу,
Касаясь порой земли.
Шоферы, как в лучший жребий,
Вцепились в свои рули,
Припали к рулям, как зубры,
И гнали – в леса, в леса! —
Жестоко оскалив зубы
И вытаращив глаза...
Я молча сидел в сторонке,
Следя за работой мужчин
И радуясь бешеной гонке
Ночных продуктовых машин.
Я словно летел из неволи
На отдых, на мед с молоком...
И где-то в зверином поле
Сошел и пошел
пешком.

1962

СОЛОВЬИ

В трудный час, когда ветер полощет зарю
В темных струях нагретых озер,
Я ищу, раздвигая руками ивняк,
Птичьи гнезда на кочках в траве...
Как тогда, соловьями затоплена ночь.
Как тогда, не шумят тополя.
А любовь не вернуть,
как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля!

Соловьи, соловьи заливались, а ты
Заливалась слезами в ту ночь;
Закатился закат – закричал паровоз,
Это он на меня закричал!

Я умчался туда,
где за горным хребтом
Многогорбый старик океан,
Разрыдавшись, багровые волны-горбы
Разбивает о лбы валунов.

Да, я знаю, у многих проходит любовь,
Все проходит, проходит и жизнь,
Но не думал тогда и подумать не мог,
Что и наша любовь позади.

А когда, отслужив, воротился домой,
Безнадежно себя ощутил
Человеком, которого смыло за борт:
Знаешь, Тайка встречалась с другим!

Закатился закат. Задремало село.
Ты пришла и сказала: «Прости».
Но простить я не мог,
потому что всегда
Слишком сильно я верил тебе!
Ты сказала еще:
– Посмотри на меня!
Посмотри – мол, и мне нелегко. —
Я ответил, что лучше на звезды смотреть,
Надоело смотреть на тебя!

Соловьи, соловьи
заливались, а ты
Все твердила, что любишь меня.

И, угрюмо смеясь, я не верил тебе.
Так у многих проходит любовь...

В трудный час, когда ветер полощет зарю
В темных струях нагретых озер,
Птичьи гнезда ищу, раздвигая ивняк.
Сам не знаю, зачем их ищу.

Это правда иль нет, соловьи, соловьи,
Это правда иль нет, тополя,
Что любовь не вернуть,
как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля?

1962

«Пора любви среди полей...»

Пора любви среди полей,
Среди закатов тающих
И на виду у журавлей,
Над полем пролетающих.

Теперь все это далеко.
Но в грустном сердце жжение
Пройдет ли просто и легко,
Как головокружение?

О том, как близким был тебе,
И о закатах пламенных
Ты с мужем помнишь ли теперь
В тяжелых стенах каменных?

Нет, не затмила ревность мир.
Кипел, но вспомнил сразу я:
Назвал чудовищем Шекспир
Ее, зеленоглазую.

И чтоб трагедией души
Не стала драма юности,
Я говорю себе: «Пиши
О радости, о лунности...»

И ты ходи почаще в луг
К цветам, к закатам пламенным,
Чтоб сердце пламенело вдруг,
Не стало сердце каменным.

Да не забудь в конце концов,
Хоть и не ты, не ты моя:
На свете есть матрос Рубцов,
Он друг тебе, любимая.

1962

Фиалки

Я в фуфаечке грязной
Шел по насыпи мола,
Вдруг тоскливо и страстно
Стала звать радиола:

– Купите фиалки!
Вот фиалки лесные!
Купите фиалки!
Они словно живые!

Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Все просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем...

Так зачем мою душу
Так волна волновала,
Посылая на сушу
Брызги сильного шквала?
Кроме моря и неба,
Кроме мокрого мола,
Надо хлеба мне, хлеба!
Замолчи, радиола...
Сел я в белый автобус,
В белый, теплый, хороший,
Там вертелась, как глобус, —
Голова контролерши.

Назвала хулиганом,
Назвала меня фруктом...
Как все это погано!
Эх! Кондуктор, кондуктор...
Ты не требуй билета,
Увези на толкучку,
Я, как маме, за это
Поцелую вам ручку!

Вот хожу я, где ругань,
Где торговля по кругу,
Где толкают друг друга
И толкают друг другу,

Рвут за каждую гайку
Русский, немец, эстонец...

О!.. Купите фуфайку,
Я отдам за червонец...

1962

Плыть, плыть...

В жарком тумане дня
Сонный встряхнем фиорд!
– Эй, капитан! Меня
Первым прими на борт!

Плыть, плыть, плыть
Мимо могильных плит,
Мимо церковных рам,
Мимо семейных драм...

Скучные мысли – прочь!
Думать и думать – лень!
Звезды на небе – ночь!
Солнце на небе – день!

Плыть, плыть, плыть
Мимо родной ветлы,
Мимо зовущих нас
Милых сиротских глаз...

Если умру – по мне
Не зажигай огня!
Весть передай родне
И посети меня.

Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник – добрый крест!

Плыть, плыть, плыть...

1962

Букет

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
– С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! —
Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.
Я буду долго гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

1962

Куда полетим?

– Мы будем свободны, как птицы, —
Ты шепчешь. И смотришь с тоской,
Как тянутся птиц вереницы
Над морем, над бурей морской!
И стало мне жаль отчего-то,
Что сам я люблю и любим...
Ты – птица иного полета, —
Куда ж мы с тобой полетим?

Не пришла

Из окна ресторана —
свет зеленый,
болотный,
От асфальта до звезд
заштрихована ночь
снегопадом,
Снег глухой,
беспристрастный,
бесстрастный,
холодный
Надо мной,
над Невой,
над матросским
суровым отрядом.
Сумасшедший,
ночной,
вдоль железных заборов,
Удивляя людей,
что брожу я?
И мерзну зачем?
Ты и раньше ко мне приходила не скоро,
А вот не пришла и совсем.
Странный свет,
ядовитый, зеленый, болотный,
Снег и снег
без метельного
свиста и воя,

Снег глухой,
беспристрастный,
бесстрастный, холодный,
Мертвый снег,
ты зачем
не даешь мне покоя?

В городе

Как часто, часто, словно птица,
Душа тоскует по лесам!
Но и не может с тем не слиться,
Что человек воздвигнул сам!

Холмы, покрытые асфальтом
И яркой россыпью огней,
Порой так шумно славят альты,
Как будто нету их родней!

Элегия

Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.

Стукну по карману – не звенит.
Стукну по другому – не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

1961

В горной долине

Над горной долиной —
мерцанье.
Над горной долиной – светло.
Как всяких забот отрицанье,
В долине почило село.

Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны...
Не здесь ли разбойник морской
Мечтал залечить свои раны,
Измученный парусом рваным,
Разбоем своим и тоской?

Я видел суровые страны,
Я видел крушенье и смерть,
Слагал я стихи и романы, —
Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!

И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берез...

В пустыне

Сотни лет,
Пролетевших без вести.
Сотни лет,
Сверхъестественно злой,
Как задуманный
Кем-то для мести,
Сотни лет
Над пустынями зной!

Шли с проклятьями
Все караваны...
Кто ж любил вас?
И кто вас ласкал?
Кто жалел
Погребенные страны
Меж песков
И обрушенных скал?

Хриплым криком
Тревожа гробницы,
Поднимаются,
Словно кресты,
Фантастически мрачные
Птицы,
Одинокие птицы пустынь...
Но и в мертвых
Песках без движенья,

Как под гнетом
Неведомых дум,
Зреет жгучая
Жажда сраженья,
В каждом шорохе
Зреет самум!..

Венера

Где осенняя стужа кругом
Вот уж первым ледком прозвенела,
Там любовно над бедным прудом
Драгоценная блещет Венера!..

Жил однажды прекрасный поэт,
Да столкнулся с ее красотой.
И душа, излучавшая свет,
Долго билась с прекрасной звездой!

Но Венеры играющий свет
Засиял при своем приближенье,
Так что бросился в воду поэт
И уплыл за ее отраженьем...

Старый пруд забывает с трудом,
Как боролись прекрасные силы,
Но Венера над бедным прудом
Доведет и меня до могилы!

Да еще в этой зябкой глуши
Вдруг любовь моя – прежняя вера —
Спать не даст, как вторая Венера
В небесах возбужденной души.

Последняя осень

Его увидев, люди ликовали,
Но он-то знал, как был он одинок.
Он оглядел собравшихся в подвале,
Хотел подняться, выйти... и не смог!

И понял он, что вот слабеет воля,
А где покой среди больших дорог?!
Что есть друзья в тиши родного поля,
Но он от них отчаянно далек!

И в первый раз поник Сергей Есенин,
Как никогда, среди унылых стен...
Он жил тогда в предчувствии осеннем
Уж далеко не лучших перемен.

Сергей Есенин

Слухи были глупы и резкиё:
Кто такой, мол, Есенин Серега,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодную и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

1962

«Брал человек холодный мертвый камень...»

Брал человек
Холодный мертвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова —
Вот так же высекать
Огонь из слова.

Но труд ума,
Бессонницей больного, —
Всего лишь дань
За радость неземную:
В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

Ленинград, 1962

«О чем шумят друзья мои, поэты...»

О чем шумят
Друзья мои, поэты,
В неугомонном доме допоздна?
Я слышу спор.
И вижу силуэты
На смутном фоне позднего окна.

Уже их мысли
Силой налились!
С чего ж начнут?
Какое слово скажут?
Они кричат,
Они руками машут,
Они как будто только родились!

Я сам за все,
Что крепче и полезней!
Но тем богат,
Что с «Левым маршем» в лад
Негромкие есенинские песни
Так громко в сердце
Бьются и звучат!

С веселым пеньем
В небе безмятежном,
Со всей своей любовью и тоской
Орлу не пара
Жаворонок нежный,
Но ведь взлетают оба высоко!

И, слава взлет
Космической ракеты,
Готовясь в ней летать за небеса,
Пусть не шумят,
А пусть поют поэты
Во все свои земные голоса!

Ленинград, 1962

В гостях

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И желтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В трущобный двор ворвался ветер резкий,
И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...

Не может быть, чтоб это был не он!
Как без него представить эти тени,
И желтый свет, и грязные ступени,
И гром, и стены с четырех сторон!

Я продолжаю верить в этот бред.
Когда в свое притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведет меня поэт...

Куда меня, беднягу, занесло?
Таких картин вы сроду не видали.
Такие сны над вами не витали,
И да минует вас такое зло!

...Поэт, как волк, напьется натошак.
И неподвижно, словно на портрете,
Все тяжелей сидит на табурете,
И все молчит, не двигаясь никак.

А перед ним, кому-то подражая
И суетясь, как все по городам,
Сидит и курит женщина чужая...
— Ах, почему вы курите, мадам! —
Он говорит, что все уходит прочь
И всякий путь оплакивает ветер,
Что странный бред, похожий
на медведя,
Его опять преследовал всю ночь,
Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем,
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живой.
И думал я: «Какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного пира
Слышна все реже гаснущая лира,

И странный шум ей слышится в ответ?..»
Но все они опутаны всерьез
Какой-то общей нервной системой:
Случайный крик, раздавшись
над богемой,
Доводит всех до крика и до слез!
И все торчит.
В дверях торчит сосед,
Торчат за ним разбуженные тетки,
Торчат слова,
Торчит бутылка водки,
Торчит в окне бессмысленный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом...

Когда толпа потянется за гробом,
Ведь кто-то скажет:
«Он сгорел... в труде».

1962

Эхо прошлого

Много было в комнате гостей,
Пирогов, вина и новостей.
Много ели, пили и шутили,
Много раз «Катюшу» заводили...
А потом один из захмелевших,
Голову на хромку уронив,
Из тоски мотивов устаревших
Вспомнил вдруг
кладбищенский мотив:

«Вот умру, похоронят
На чужбине меня.
И родные не узнают,
Где могила моя...»

– Эх, ребята, зарыдать хочется!
Хошь мы пьем, ребята,
Хошь не пьем,
Все одно порем, как говорится,
Все, как есть, когда-нибудь порем.

Парень жалким сделался
и кротким,
Погрустнели мутные глаза.
По щеке, как будто капля водки,
Покатилась крупная слеза.

«У других на могилах
Всё цветы, всё цветы.
На моей сырой могиле
Всё кусты, всё кусты...»

Друг к нему:
– Чего ты киснешь, Проня? —
Жалобней: – Чего тебе-то выть?
Ты умрешь – тебя хоть похоронят.
А меня? Кому похоронить? —
И дуэтом
здоровилы эти,
Будто впрямь несчастливы они,
Залились слезами, словно дети,
На глазах собравшейся родни!

А ведь в песне,
так некстати спетой,

Все в такую даль отдалено,
Что от этих слез,
От песни этой,
Стало всем не грустно,
а смешно!
В дружный хохот
вкладывали душу.
– Ох, умора! Ох и мужики! —
Еще звонче пели про Катюшу
И плясали, скинув пиджаки!

Свидание

Мы входим в зал.
Сияющие люстры
От напряженья,
Кажется, дрожат!
Звенит хрусталь
И действует на чувства,
Мы входим в зал
Без всякого искусства,
А здесь искусством,
Видно, дорожат.

Швейцар блистает
Золотом и лоском,
Официант —
Испытанным умом,
А наш сосед —
Шикарной папироской...
Чего ж еще?
Мы славно отдохнем!

У вас в глазах
Восторг и упоенье,
И в них такая
Гордость за меня,
Как будто я
Здесь главное явление,
Как будто это
Все моя родня!

Чего ж еще?..
С чего бы это снова,
Встречая тихо
Ласку ваших рук,
За светлой рюмкой
Пунша золотого
Я глубоко
Задумываюсь вдруг?..

Шутка

Мое слово верное
прозвонит!
Буду я, наверное,
знаменит!
Мне поставят памятник
на селе!
Буду я и каменный
навеселе!..

1962

Грани

Я вырос в хорошей деревне,
Красивым – под скрип телег!
Одной деревенской царевне
Я нравился как человек.

Там нету домов до неба.
Там нету реки с баржой,
Но там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой.

Мужал я под грохот МАЗов,
На твердой рабочей земле...
Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе.

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!
Меня все терзают грани
Меж городом и селом...

1962

«Давай, земля...»

Давай, земля,
Немножко отдохнем
От важных дел,
От шумных путешествий!
Трава звенит!
Волна лениво плещет,
Зенит пылает
Солнечным огнем!

Там, за морями,
Полными задора,
Земля моя,
Я был нетерпелив, —
И после дива
Нашего простора
Я повидал
Немало разных див!

Но все равно,
Как самый лучший жребий,
Я твой покой
Любил издавека,
И счастлив тем,
Что в чистом этом небе
Идут, идут,
Как мысли, облака...

И я клянусь
Любою клятвой мира,
Что буду славить
Эти небеса,
Когда моя
Медлительная лира
Легко свои поднимет паруса!

Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя
Вращается незримо,
Как ты, Земля,
Вокруг своей оси...

1962

Памятный случай

В детстве я любил ходить пешком.
У меня не уставали ноги.
Помню, как однажды с вещмешком
Весело шагал я по дороге.

По дорогам даже в поздний час
Я всегда ходил без опасенья,
С бодрым настроением в этот раз
Я спешил в далекое селенье...

Но внезапно ветер налетел!
Сразу тьма сгустилась! Страшно стало!
Хмурый лес качался и шумел,
И дорогу снегом заметало!

Вижу: что-то черное вдали
Сквозь метель маячит... Нет, не елки!
Ноги будто к месту приросли!
В голове мелькнуло: «Волки, волки!..»

Волки мне мерещились не раз
В обгоревших пнях. Один, без друга,
Я дрожал от страха, но тотчас
Шел вперед, опомнясь от испуга.

Шел я, спотыкаясь, а метель,
Мне сугроб под ноги наметая,
То вдруг: «У-у-у!» – кричала в темноте,
То вдруг: «А-а-а!» – кричала, как живая!

...После все утихло. Рассвело.
Свет зари скользнул по белым склонам.
Я пришел, измученный, в село.
И друзья спросили удивленно:

– Что случилось? Ты не заболел?
– Ничего, – ответил я устало, —
Просто лес качался и шумел,
И дорогу снегом заметало...

1962

«В твоих глазах...»

В твоих глазах
Для пристального взгляда
Какой-то есть
Рассеянный ответ...
Небрежно так
Для летнего наряда
Ты выбираешь
Желтый цвет.
Я слышу голос
Как бы утомленный,
Я мало верю
Яркому кольцу...
Не знаю, как там
Белый и зеленый,
Но желтый цвет
Как раз тебе к лицу!
До слез тебе
Нужны родные стены,
Но как прийти
К желанному концу?
И впрямь, быть может,
Это цвет измены,
А желтый цвет
Как раз тебе к лицу...

1962

По дороге к морю

Въезжаем в рощу золотую,
В грибную бабушкину глушь.
Лошадка встряхивает сбрую
И пьет порой из теплых луж.

Вот показались вдоль дороги
Поля, деревни, монастырь,
А там – с кустарником убогим
Унылый тянется пустырь...

Я рад тому, что мы кочуем,
Я рад садам монастыря
И мимолетным поцелуям
Прохладных листьев сентября.

А где-то в солнечном Тифлисе
Ты ждешь меня на той горе,
Где в теплый день, при легком бризе,
Прощались мы лицом к заре.

Я опечален: та вершина
Крута. А ты на ней одна,
И азиатская чужбина —
Бог знает что за сторона.

Еще он долог по селеньям,
Мой путь к морскому кораблю,
И, как тебе, цветам осенним
Я все шепчу: «Люблю, люблю...»

«Листвой пропащей, знобящей мглою...»

Листвой пропащей,
знобящей мглою
Заносит буря неясный путь.
А ивы гнутся над головою,
Скрипят и стонут – не отдохнуть.
Бегу от бури, от помрачений...
И вдруг я вспомню твое лицо,
Игру заката во мгле вечерней,
В лучах заката твое кольцо.
Глухому плеску на дне оврага,
И спящей вербе, и ковылю
Я, оставаясь, твердил из мрака
Одно и то же: – Люблю, люблю!

Листвой пропащей,
знобящей мглою
Заносит буря безлюдный путь.
И стонут ивы над головою,
И воет ветер – не отдохнуть!
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы
И – плачу...

Улетели листья

Улетели листья с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?

В горнице

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

1963

Судьба

Легкой поступью,
кивая головой,
Конь в упряжке
прошагал по мостовой.
Как по травке,
по обломкам кирпича
Прошагал себе, телегой грохоча.
Между жарких этих
каменных громад
Как понять его?
Он рад или не рад?
Бодро шел себе,
накормленный овсом,
И катилось колесо за колесом...
В чистом поле
меж товарищей своих
Он летал, бывало, как
весенний вихрь,
И не раз подружке милой на плечо
Он дышал по-молодому горячо.
Но однажды в ясных далях сентября
Занялась такая грустная заря!
В чистом поле,
незнакомцев веселя,
Просвистела,
полонив его,
петля.

Тут попал он, весь пылая и дрожа,
Под огонь ветеринарного ножа,
И поднялся он, тяжел и невесом...
Покатилось
колесо
за колесом.
Долго плелся он с понурой головой
То по жаркой,
То по снежной мостовой,
Но и все-таки,
хоть путь его тяжел,
В чем-то он успокоение нашел.
Что желать ему?
Не все ли уж равно?
Лишь бы счастья
Было чуточку дано,
Что при солнце,

что при дождике косом...
И катилось колесо за колесом.

«Я буду скакать по холмам...»

Я буду скакать по холмам
задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных
вольных племен!
Как прежде скакали на голос
удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала
окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть
в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках пронесил!

И быстро, как ласточки,
мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом
немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли
и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!

Пустынно мерцает померкшая
звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный,
белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих
померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной
царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных
белых церквей!..

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел,
под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше
не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет
таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду
достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду
до могилы...
Отчизна и воля – останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье
воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает
обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных
больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный
бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то
таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

1963

Над вечным покоем

Рукой раздвинув темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те —
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня пронесит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...

1963

Осенняя песня

Потонула во тьме
Отдаленная пристань.
По канаве помчался —
Эх – осенний поток!
По дороге неслись
Сумасшедшие листья,
И порой раздавался
Пароходный свисток.

Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек.

А последние листья
Вдоль по улице гулкой
Все неслись и неслись,
Выбиваясь из сил.
На меня надвигалась
Темнота закоулков,
И архангельский дождик
На меня моросил...

1963

Синенький платочек

Я вспоминаю, сердцем посветлев,
Какой я был взволнованный и юный!
И пусть стихов серебряные струны
Продолжат свой тоскующий напев

О том, какие это были дни!
О том, какие это были ночи!
Издавка, как синенький платочек,
Всю жизнь со мной прощаются они...

От прежних чувств остался, охладев,
Спокойный свет, как будто отблеск лунный,
Еще поют серебряные струны,
Но редок стал порывистый напев.

И все ж хочу я, странный человек,
Сберечь, как есть, любви своей усталость,
Взглянуть еще на все, что там осталось,
И распрощаться... может быть, навек.

«По мокрым скверам проходит осень...»

По мокрым скверам
проходит осень,
Лицо нахмуря!
На громких скрипках
дремучих сосен
Играет буря!
В обнимку с ветром
иду по скверу
В потемках ночи.
Ищу под крышей
свою пещеру —
В ней тихо очень.
Горит пустынный
электропламень,
На прежнем месте,
Как драгоценный какой-то камень,
Сверкает перстень, —
И мысль, летая,
кого-то ищет
По белу свету...
Кто там стучится
в мое жилище?
Покоя нету!
Ах, это злая старуха осень,
Лицо нахмуря,
Ко мне стучится,
и в хвое сосен

Не молкнет буря!
Куда от бури,
от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы,
И я плачу...

1963

Тихая моя родина

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

– Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

1964

Памяти матери

Вот он и кончился, покой!
Взметая снег, завывла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.

Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.

Там поле, небо и стога,
Хочу туда, – о километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!

Но я смогу,
но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..

Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь —
Ночные ветры?

1964

Философские стихи

За годом год уносится навек,
Покоем веют старческие нравы, —
На смертном ложе гаснет человек
В лучах довольства полного и славы!
К тому и шел! Страстей своей души
Боялся он, как буйного похмелья.
— Мои дела ужасно хороши! —
Хвалился с видом гордого веселья.
Последний день уносится навек...
Он слезы льет, он требует участия,
Но поздно понял, важный человек,
Что создал в жизни
ложный облик счастья!
Значенье слез, которым поздно течь,
Не передать — близка его могила,
И тем острее мстительная речь,
Которую душа заговорила...

Когда над ним, угаснувшим навек,
Хвалы и скорби голос раздавался, —
«Он умирал, как жалкий человек!» —
Подумал я и вдруг заволновался:
«Мы по одной дороге ходим все. —
Так думал я. — Одно у нас начало,
Один конец. Одной земной красе
В нас поклоненье свято прозвучало!
Зачем же кто-то, ловок и остер, —
Простите мне, — как зверь в часы охоты,
Так устремлен в одни свои заботы,
Что он толкает братьев и сестер?!»

Пускай всю жизнь душа меня ведет!
— Чтоб нас вести, на то рассудок нужен!
— Чтоб мы не стали холодны как лед,
Живой душе пускай рассудок служит!
В душе огонь — и воля, и любовь! —
И жалок тот, кто гонит эти страсти,
Чтоб гордо жить, нахмуривая бровь,
В лучах довольства полного и власти!
— Как в трех соснах, блуждая и кружа,
Ты не сказал о разуме ни разу!
— Соединясь, рассудок и душа
Даруют нам — светильник жизни — разум!

Когда-нибудь ужасной будет ночь.

И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!
Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу
улыбнулись...

1964

Аленький цветок

Домик моих родителей
Часто лишал я сна.
– Где он опять, не видели?
Мать без того больна. —
В зарослях сада нашего
Прятался я как мог.
Там я тайком выращивал
Аленький свой цветок.
Этот цветочек аленький
Как я любил и прятал!
Нежил его, – вот маменька
Будет подарку рада!
Кстати его, некстати ли,
Вырастить все же смог...
Нес я за гробом матери
Аленький свой цветок.

Русский огонек

Погружены
в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели.
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мертвом поле!

Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул в пустыне,
как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас и теплая одежда... —
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде
Жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне
И поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:

Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
– Скажи, родимый,
Будет ли война? —
И я сказал: – Наверное, не будет.

Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?
Но я глухим брэнчанием монет
Прервал ее старинные виденья...
– Господь с тобой! Мы денег не берем!
– Что ж, – говорю, – желаю вам здоровья!

За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя...

1964

Звезда полей

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1964

Элегия

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...

1964

Хлеб

Положил в котомку
сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.
Хлеб не взял.
– Ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль! —
Все же бабка
сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала:
– Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет...

1964

Ночь на перевозе

Осень
кончилась —
сильный ветер
Заметает ее следы!
И болотная пленка воды
Замерзает при звездном свете.
И грустит,
как живой,
и долго
Помнит свой сенокосный рай
Высоко над рекой, под елкой,
Полусгнивший пустой сарай...
От безлюдья и мрака
хвойных
Побережий, полей, болот
Мне мерещится в темных волнах
Затонувший какой-то флот.
И один во всем околотке
Выйдет бакенщик-великан
И во мгле
промелькнет
на лодке,
Как последний из могикан...

1964

«Сапоги мои – скрип да скрип...»

Сапоги мои – скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои – скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой – гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною – гриб,
Подосиновик!
Знаешь, ведьмы в такой глуши
Плачут жалобно.
И чаруют они, кружа,
Детским пением,
Чтоб такой красотой в тиши
Все дышало бы,
Будто видит твоя душа
сновидение.
И закружат твои глаза
Тучи плавные
Да брусничных глухих трясин
Лапы, лапушки...

Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.
Эх, не ведьмы меня свели

С ума-разума
песней сладкою —
Закружило меня от села вдали
Плодоносное время
Краткое...
Сапоги мои – скрип да скрип
Под березою.
Сапоги мои – скрип да скрип
Под осиною.
И под каждой березой – гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною – гриб,
Подосиновик...

1964

На вокзале

Закатилось солнце за вагоны.
Вот еще один безвестный день,
Торопливый, радостный, зеленый,
Отошел в таинственную сень...

Кто-то странный (видимо, не веря,
Что поэт из бронзы, неживой)
Постоял у памятника в сквере,
Позвенел о бронзу головой,

Посмотрел на надпись с недоверьем
И ушел, посвистывая, прочь...
И опять родимую деревню
Вижу я: избышки и деревья,
Словно в омут, канувшие в ночь.

За старинный плеск ее паромный,
За ее пустынные стога
Я готов безропотно и скромно
Умереть от выстрела врага...

О вине подумаю, о хлебе,
О птенцах, собравшихся в полет,
О земле подумаю, о небе
И о том, что все это пройдет.

И о том подумаю, что все же
Нас кому-то очень будет жаль,
И опять веселый и хороший,
Я умчусь в неведомую даль!..

1965

СТИХИ

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воеет, воеет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

А утром солнышко взойдет, —
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?

Вот так поэзия, она
Звенит – ее не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...

1965

«Я переписывать не стану...»

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета,
И я придумывать не стану
Себя особого, Рубцова,
За это верить перестану
В того же самого Рубцова,
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

О Пушкине

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...

1965

Дуэль

Напрасно
дуло пистолета
Враждебно целилось в него:
Лицо великого поэта
Не выражало ничего!
Уже давно,
как в Божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.
И сердце Лермонтова билось,
Как в дни обыденных
тревог.
Когда же выстрел грянул мимо
(Наверно, враг
Не спал всю ночь!),
Поэт зевнул невозмутимо
И пистолет отбросил прочь...

1965

Однажды

Однажды Гоголь вышел из кареты
На свежий воздух. Думать было лень.
Но он во мгле увидел силуэты
Полузабытых тощих деревень.
Он пожалел безрадостное племя,
Оплакал детства светлые года,
Не смог представить будущее время —
И произнес: – Как скучно, господа!

1965

Приезд Тютчева

Он шляпу снял,
чтоб поклониться
Старинным русским каланчам...
А после дамы всей столицы
О нем шептались по ночам.

И офицеры в пыльных бурках
Потом судили меж равнин
О том, как в залах Петербурга
Блистал приезжий дворянин.

А он блистал, как сын природы,
Играя взглядом и умом,
Блистал, как летом блещут воды,
Как месяц блещет над холмом!

И сны Венеции прекрасной,
И грустной родины привет —
Все отражалось в слове ясном
И поражало высший свет.

1965

«Уединившись за оконцем...»

Уединившись за оконцем,
Я с головой ушел в труды!
В окно закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

Как жизнь полна! Иду в рубашке,
А ветер дышит все живей,
Журчит вода, цветут ромашки,
На них ложится тень ветвей.

И так легки бывлые годы,
Как будто лебеди вдали
На наши пастбища и воды
Летят со всех сторон земли!..

И снова в чистое оконце
Покоить скромные труды
Ко мне закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

Утро

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —
Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг – везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

1965

Прощальный костер

В краю лесов, полей, озер
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы...

И ночь, растроченная вся
На драгоценные забавы,
Редает, выше вознося
Небесный купол, полный славы.

Прощай, костер! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом...

Хотя доносятся уже
Сигналы старости грядущей,
Надежды, скрытые в душе,
Светло восходят в день цветущий.

Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...

1965

В избе

Стоит изба, дымя трубой,
Живет в избе старик рябой,
Живет за окнами с резьбой
Старуха, гордая собой,
И крепко-крепко в свой предел —
Вдали от всех вселенских дел —
Вросла избушка за бугром
Со всем семейством и добром!
И только сын заводит речь,
Что не желает дом стеречь,
И все глядит за перевал,
Где он ни разу не бывал...

Кружусь ли я...

Кружусь ли я в Москве бурливой
С толпой знакомых и друзей,
Пойду ли к девушке красивой
И отдохну немного с ней,

Несусь ли в поезде курьерском
От всякой склоки и обид
И в настроенье самом мерзком
Ищу простой сердечный быт,

Засну ли я во тьме сарая,
Где сено есть и петухи,
Склоню ли голову, слагая
О жизни грустные стихи,

Ищу ль предмет для поклоненья
В науке старцев и старух, —
Нет, не найдет успокоенья
Во мне живущий адский дух!

Когда, бесчинствуя повсюду,
Смерть разобьет мою судьбу,
Тогда я горсткой пепла буду!
Но дух мой... вылетит в трубу!

Октябрь, 1965

Из ВОСЬМИСТИШЕЙ

1

В комнате темно,
В комнате беда, —
Кончилось вино,
Кончилась еда,
Кончилась вода
Вдруг на этаже,
Отчего ж тогда
Весело душе?

2

В комнате давно
Кончилась беда,
Есть у нас вино,
Есть у нас еда,
И давно вода
Есть на этаже,
Отчего ж тогда
Пусто на душе?

3

Звездный небосвод
Полон светлых дум,
У моих ворот
Затихает шум,
И глядят глаза
В самый нежный том,
А в душе – гроза,
Молнии и гром!

4

Лунною порой,
Омрачая мир,
Шел понурый строй,
Рядом – конвоир.
А в душе в ночи
Снился чудный сон:
Вербы и грачи,
Колокольный звон...

5

Девушке весной
Я дарил кольцо,
С лаской и тоской
Ей глядел в лицо,
Холодна была
У нее ладонь,
Но сжигал дотла
Душу мне – огонь!

6

Постучали в дверь,
Открывать не стал,
Я с людьми не зверь,
Просто я устал,
Может быть, меня
Ждет за дверью друг,
Может быть, родня...
А в душе – испуг.

7

В комнате покой,
Всем гостям почет,
Полною рекой
Жизнь моя течет,
Выйду не спеша,
На село взгляну...
Окупись, душа,
В чистую волну!

Песня

Отцветет да поспеет
На болоте морошка, —
Вот и кончилось лето, мой друг!
И опять он мелькает,
Листопад за окошком,
Тучи темные вьются вокруг...

Заскрипели ворота,
Потемнели избушки,
Закачалась над омутом ель,
Слышен жалобный голос
Одинокой кукушки,
И не спит по ночам коростель.

Над притихшей деревней
Скоро, скоро подружки
В облаках полетят с ветерком,
Выходя на дорогу,
Будут плакать старушки
И махать самолету платком.

Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!
Но в краю незнакомом
Будет грусть неизменной
По родному в окошке лучу.

Жаль мне доброе поле,
Жаль простую избушку,

Жаль над омутом старую ель...
Что ж так жалобно плачет
На болоте кукушка?
Что ж не спит по ночам коростель?

Жар-птица

Когда приютит
задремавшее стадо
Семейство берез на холме за рекой,
Пастух, наблюдая игру листопада,
Лениво сидит и болтает ногой...

Есть маленький домик в багряном лесу,
И отдыха нынче там нет и в помине:
Отец мой готовит ружье на лису
И вновь говорит о вернувшемся сыне.

А дальше за лесом —
большая деревня.
Вороны на елках, старухи в домах.
Деревни, деревни вдали на холмах,
Меж ними село
с колокольнею древней...

В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звездном салюте,
На чем поднималась великая Русь.

Галопом колхозник погнал лошадей,
А мне уж мерещится русская удаль,
И манят меня огоньками уюта
Жилища, мерещится, лучших людей.

Мотало меня и на сейнере в трюме,
И так, на пирушках, во дни торжества,

И долго на ветках дорожных раздумий,
Как плод, созревала моя голова.

Не раз ко дворцу, где сиял карнавал,
Я ветреным франтом в машине катился,
Ну, словом, как бог, я везде побывал
И все же, и все же домой воротился...

— Старик! А давно ли
ты ходишь за стадом?
— Давно, — говорит. — Колокольня вдали
Деревни еще оглашала набатом,
И ночью светились в домах фитили.
— А ты не заметил, как годы прошли?

– Заметил, заметил! Попало, как надо.
– Так что же нам делать? Узнать интересно...
– А ты, – говорит, – полюби и жалей,
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...
– Ну ладно! Я рыжиков вам принесу...

Как просто в прекрасную глушь листопада
Уводит меня полевая ограда,
И детское пенье в багряном лесу,
И тайна древнейших строений и плит,
И только от бывшей печали, быть может,
Нет-нет да и вспомнится вдруг, затревожит,
Что осень, жар-птица, вот-вот улетит...

1965

Осенние этюды

1

Огонь в печи не спит,
перекликаясь
С глухим дождем, струящимся по крыше...
А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь, —
И вся она, как огненная буря,
Когда по ветру вытянутся ветви
И зашумят, охваченные дрожью,
И листья долго валяются с ветвей,
Вокруг ствола лужайку устилая...

Когда стихает яростная буря,
Сюда приходит девочка-малютка
И робко так садится на качели,
Закутываясь в бабушкину шаль.
Скрипят, скрипят под ветками качели,
И так шумит над девочкой береза
И так вздыхает горестно и страстно,
Как будто человеческою речью
Она желает что-то рассказать.
Они друг другу так необходимы!

Но я нарушил их уединенье,
Когда однажды шлялся по деревне
И друг спросил играючи: «Шалунья!
О чем поешь?» Малютка отвернулась
И говорит: «Я не пою, а плачу...»
Вокруг меня все стало так уныло!
Но в наши годы плакать невозможно,
И каждый раз, себя превозмогая,
Мы говорим: «Все будет хорошо».

2

И вот среди осеннего безлюдья
Раздался бодрый голос человека:
– Как много нынче клюквы на болоте!
– Как много нынче клюквы на болоте! —
Во всех домах тотчас отозвалось...

От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни верст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских
поколений...
Зовешь, зовешь... Никто не отзовется...
И вдруг уснет могучее сознание,
И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о тебе.
И в этом сне картины нашей жизни,
Одна другой туманнее, толпятся,
Покрытые миражной поволокой
Безбрежной тишины и забвения.
Лишь глухо стонет дерево сухое...
«Как хорошо! – я думал. —
Как прекрасно!»
И вздрогнул вдруг, как будто пробудился,
Услышав странный посторонний звук.

Змея! Да, да! Болотная гадюка
За мной все это время наблюдала
И все ждала, шипя и извиваясь...
Мираж пропал. Я весь похолодел.
И прочь пошел, дрожа от омерзенья,
Но в этот миг, как туча, над болотом
Взлетели с криком яростные птицы,
Они так низко начали кружиться
Над головой моею одинокой,
Что стало мне опять не по себе...

«С чего бы это птицы взбеленились? —
Подумал я, все больше беспокоясь. —
С чего бы змеи начали шипеть?»
И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отравы
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.
Я понял это как предупрежденье, —

Мол, хватит, хватит шляться по болоту!
Да, да, я понял их предупреждение, —
Один за клюквой больше не пойду...

3

Прошел октябрь. Пустынно за овином.
Звонит снежок в траве обледенелой,
И глохнет жизнь под небом оловянным,
И лишь почтовый трактор хлопотливо
Туда-сюда мотается чуть свет,
И только я с поникшей головою,
Как выраженье осени живое,
Проникнутый тоской ее и дружбой,
По косогорам родины брожу
И одного сильнее всего желаю —
Чтоб в этот день осеннего распада
И в близкий день ревущей снежной бури
Всегда светила нам, не унывая,
Звезда труда, поэзии, покоя,
Чтоб и тогда она торжествовала,
Когда не будет памяти о нас...

1965

«У сгнившей лесной избушки...»

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.

Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурша осокой,
Плывет по каналу в лес.

И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с легким свистом
Слетает прохладный лист,

И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес...

1965

Зимняя песня

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбочив и рад!
Трудное, трудное – все забывается,
Светлые звезды горят!

Кто мне сказал, что во мгле заметеленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

1965

Зимовье на хуторе

Короткий день.
А вечер долгий.
И непременно перед сном
Весь ужас ночи за окном
Встает. Кладбищенские елки
Скрипят. Окно покрыто льдом.

Порой без мысли и без воли
Смотрю в оттаявший глазок
И вдруг очнусь – как дико в поле!
Как лес и грозен и высок!

Зачем же, как сторожевые,
На эти грозные леса
В упор глядят глаза живые,
Мои полночные глаза?

Зачем? Не знаю. Сердце стынет
В такую ночь. Но все равно
Мне хорошо в моей пустыне,
Не страшно мне, когда темно.

Я не один во всей вселенной.
Со мною книги и гармонь,
И друг поэзии нетленной —
В печи березовый огонь...

1966

Родная деревня

Хотя проклиная проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приезжим по следу
В дорогу торопится слишком:
– Я тоже отсюда уеду!

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
– Ну что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...

1966

Промчалась твоя пора!

Пасха
под синим небом,
С колоколами и сладким хлебом,
С гульбой посреди двора,
Промчалась твоя пора!
Садилась ласточки на карниз,
Взвивались ласточки в высоту...
Но твой отвергнутый фанатизм
Увлёк с собою
и красоту.
О чем рыдают, о чем поют
Твои последние колокола?
Тому, что было, не воздают
И не горюют, что ты была.

Пасха
под синим небом,
С колоколами и сладким хлебом,
С гульбой посреди двора,
Промчалась твоя пора!..

1966

Весна на берегу Бии

Сколько сору прибило к березам
Разыгравшейся полой водой!
Трактора, волокуши с навозом,
Жеребята с проезжим обозом,
Гуси, лошади, шар золотой,
Яркий шар восходящего солнца,
Куры, свиньи, коровы, грачи,
Горький пьяница с новым червонцем
У прилавка
и куст под оконцем —
Все купается, тонет, смеется,
Пробираясь в воде и в грязи!

Вдоль по берегу бешеной Бии
Гонят стадо быков верховые —
И, нагнувши могучие выи,
Грозный рев поднимают быки.
Говорю вам: – Услышат глухие! —
А какие в окрестностях Бии —
Поглядеть – небеса голубые!
Говорю вам: – Прозреют слепые,
И дороги их будут легки...

Говорю я и девушке милой:
– Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица – все это было
И прошло, – улыбнись же скорей!

Улыбнись! – повторяю я милой. —
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

1966

Старая дорога

Всё облака над ней,
всё облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам – качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза!
То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Еще порой проскачут верховые,
И снова – глушь, забывчивость, заря,
Всё пыль, всё пыль да знаки верстовые...
Здесь каждый славен —
мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

1966

Душа хранит

Вода недвижимее стекла.
И в глубине ее светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло.

О вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетий, Божий храм.

О Русь – великий звездочет!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты,

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен...

1966

На реке Сухоне

Много серой воды,
много серого неба,
И немного пологой нелюдимой земли,
И немного огней вдоль по берегу... Мне бы
Снова вольным матросом
Наниматься на корабли!
Чтоб с веселой душой
Снова плыть в неизвестность, —
Может, прежнее счастье
мелькнет впереди!..
Между тем не шадят
Эту добрую местность,
Словно чью-нибудь месть,
проливные дожди.
Но на той стороне
под всемирным потопом
Притащилась на берег —
Видно, надо – старушка с горбом,
Но опять мужики на подводке
примчались галопом
И с телегой, с конями
Взгромоздились опять на паром.
Вот, я думаю, стать волосатым
паромщиком мне бы!
Только б это избрать, как другие смогли,
Много серой воды,
много серого неба,
И немного пологой родимой земли,
И немного огней вдоль по берегу...

1966

По дороге из дома

Люблю ветер. Больше всего на свете.
Как воет ветер! Как стонет ветер!
Как может ветер выть и стонать!
Как может ветер за себя постоять!

О ветер, ветер! Как стонет в уши!
Как выражает живую душу!
Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете.

Спасибо, ветер! Твой слышу стон.
Как облегчает, как мучит он!
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!
Я сам покинул родную крышу...

Душа ведь может, как ты, стонать.
Но так ли может за себя постоять?
Безжизнен, скучен и ровен путь.
Но стонет ветер! Не отдохнуть...

1966

Жара

Всезнающей, вещей старухе,
И той не уйти от жары.
И с ревом проносятся мухи,
И с визгом снуют комары,
И жадные липнут букашки,
И лютые оводы жгут, —
И жалобно плачут барашки,
И лошади, топая, ржут.
И что-то творится с громилой,
С быком племенным! И взгляни —
С какою-то дьявольской силой
Все вынесут люди одни!
И строят они, и корежат,
Повсюду их сила и власть.
Когда и жара изнеможет,
Гуляют еще, веселясь!..

«В полях сверкало. Близилась гроза...»

В полях сверкало. Близилась гроза.
Скорей, скорей! Успеем ли до дому?
Тотчас очнулись сонные глаза,
Блуждает взгляд по небу грозовому.

Возница злой. Он долго был в пути.
Усталый конь потряхивает гривой,
А как сверкнет – шарахнется пугливо
И не поймет, куда ему идти.

Скорей, скорей! Когда продрогнешь весь,
Как славен дом и самовар певучий!
Вот то село, над коим вьются тучи,
Оно село родимое и есть...

1966

После грозы

Ночью я видел:
Ломались березы!
Видел: метались цветы!
Гром, рассылающий
Гибель и слезы,
Всех настигал с высоты!
Как это странно
И все-таки мудро:
Гром роковой перенести,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть!
Вспыхнул светящийся
Солнечный веер,
Дышат нектаром цветы,
Влагой рассеянной
Озеро веет,
Полное чистой воды!

На озере

Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...
О этот светлый
Покой-чародей!
Очарованием смелым
Сделай меж белых
Своих лебедей
Черного лебедя – белым!

Природа

Звенит, смеется, как младенец.
И смотрит солнышку вослед —
И меж берез, домов, поленниц
Горит, струясь, небесный свет!
Как над заплаканным младенцем,
Играя с нею, после гроз
Узорным чистым полотенцем
Свисает радуга с берез.
И сладко, сладко ночью звездной
Ей снится легкий скрип телег...
И вдруг разгневается грозно,
Совсем как взрослый человек!
Как человек богоподобный,
Внушает в гибельной борьбе
Пусть не ужас допотопный,
Но поклонение себе...

1966

«Седьмые сутки дождь не умолкает...»

Седьмые сутки дождь не умолкает.
И некому его остановить.
Все чаще мысль угрюмая мелькает,
Что всю деревню может затопить.
Плывут стога. Крутятся, несутся доски.
И погрузились медленно на дно
На берегу забытые повозки,
И потонуло черное гумно.
И реками становятся дороги,
Озера превращаются в моря,
И ломится вода через пороги,
Семейные срывая якоря...

Неделю льет. Вторую льет... Картина
Такая – мы не видели грустней!
Безжизненная водная равнина,
И небо беспросветное над ней.
На кладбище затоплены могилы,
Видны еще оградные столбы,
Ворочаются, словно крокодилы,
Меж зарослей затопленных гробы,
Ломаются, всплывая, и в потемки
Под резким неслабеющим дождем
Уносятся ужасные обломки
И долго вспоминаются потом...

Холмы и рощи стали островами.
И счастье, что деревни на холмах.
И мужики, качая головами,
Перекликались редкими словами,
Когда на лодках двигались впотьмах,
И на детей покрикивали строго.
Спасали скот, спасали каждый дом
И глухо говорили: – Слава Богу!
Слабеет дождь... вот-вот... еще немного...
И все пойдет обычным чередом.

1966

«В святой обители природы...»

В святой обители природы,
В тени разросшихся берез
Струятся омутные воды
И раздается скрип колес.

Прощальной дымкою повиты
Старушки избы над рекой.
Незабываемые виды!
Незабываемый покой!..

Усни, могучее сознание!
Но слишком явственно во мне
Вдруг отзовется увядание
Цветов, белеющих во мгле.

И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там – полночные светила
Наводят много-много дум...

1966

Девочка играет

Девочка на кладбище играет,
Где кусты лепечут, как в бреду.
Смех ее веселый разбирает,
Безмятежно девочка играет
В этом пышном радостном саду.
Не любуйся этим пышным садом!
Но прими душой, как благодать,
Что такую крошку видишь рядом,
Что под самым грустным нашим взглядом
Все равно ей весело играть!..

Нагрязнули

Не было собак – и вдруг залаяли.
Поздно ночью – что за чудеса! —
Кто-то едет в поле за сараями,
Раздаются чьи-то голоса...

Не было гостей – и вот нагрязнули.
Не было вестей – так получай!
И опять под ивами багряными
Расходился праздник невзначай.

Ты прости нас, полюшко усталое,
Ты прости как братьев и сестер:
Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер.

Может быть, последний раз нагрязнули,
Может быть, не скоро навестят...
Как по саду, садику багряному
Грустно-грустно листья шелестят.

Под луной, под гаснущими ивами
Посмотрели мой любимый край
И опять умчались, торопливые,
И пропал вдали собачий лай...

1966

«Огороды русские...»

Огороды русские
под холмом седым.
А дороги узкие,
тихие, как дым.

Солнышко осоковое
брызжет серебром.
Чучело гороховое
машет рукавом...

До свиданья, пугало,
огородный бог! —
душу убаюкала
пыль твоих дорог...

«Окошко. Стол. Половики...»

Окошко. Стол. Половики.
В окошке – вид реки...
Черны мои черновики.
Чисты чистовики.

За часом час уходит прочь,
Мелькает свет и тень.
Звезда над речкой – значит, ночь,
А солнце – значит, день.

Но я забуду ночь реки,
Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
Вставать – черновики.

1966

«Прекрасно небо голубое...»

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!
– Какое место вам? – Любое.
Любое место, край любой.

Еще волнует все, что было.
В душе бывшее не прошло.
Но слишком дождь шумел уныло,
Как будто все произошло.

И без мечты, без потрясений
Среди одних и тех же стен
Я жил в предчувствии осеннем
Уже не лучших перемен.

– Прости, – сказал родному краю, —
За мой отъезд, за паровоз.
Я несерьезно. Я играю.
Поговорим еще всерьез.

Мы разлучаемся с тобою,
Чтоб снова встретиться с тобой.
Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!

1966

Шумит Катунь

В. Астафьеву

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И все глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идиолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь – свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, —
Они топтали эти берега!

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...

Все поглотил столетий темный зев!
И все в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом —
Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные айлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...

1966

В сибирской деревне

То желтый куст,
То лодка кверху днищем,
То колесо тележное
В грязи...
Меж лопухов —
Его, наверно, ищут —
Сидит малыш,
Щенок скулит вблизи.

Скулит щенок
И все ползет к ребенку,
А тот забыл,
Наверное, о нем, —
К ромашке тянет
Слабую ручонку
И говорит...
Бог ведает о чем!..

Какой покой!
Здесь разве только осень
Над ледоносной
Мечется рекой,
Но крепче сон,
Когда в ночи глухой
Со всех сторон
Шумят вершины сосен,

Когда привычно
Слышатся в лесу
Осин тоскливых
Стоны и молитвы, —
В такую глушь
Вернувшись после битвы,
Какой солдат
Не уронил слезу?

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище
И вот пою
Про уголок Руси,
Где желтый куст
И лодка кверху днищем,
И колесо,
Забытое в грязи...

1966

«Сибирь, как будто не Сибирь!..»

Сибирь, как будто не Сибирь!
Давно знакомый мир лучистый —
Воздушный, солнечный, цветистый,
Как мыльный радужный пузырь.

А вдруг он лопнет, этот мир?
Вот-вот рукою кто-то хлопнет —
И он пропал... Но бригадир
Сказал уверенно: «Не лопнет!»

Как набежавшей тучи тень,
Тотчас прошла моя тревога, —
На бригадира, как на Бога,
Смотрел я после целый день...

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Еще бы церковь у реки, —
И было б все по-вологодски.

«Ночь коротка. А жизнь, как ночь...»

Ночь коротка. А жизнь, как ночь,
длинна.
Не сплю я. Что же может мне
присниться?
По половицам ходит тишина.
Ах, чтобы ей сквозь землю
провалиться!
Встаю, впотьмах в ботинки долго
метясь.
Открою двери, выйду из сеней...
Ах, если б в эту ночь родился
месяц —
Вдвоем бы в мире было веселей!
Прислушиваюсь... Спит село
сторожко.
В реке мурлычет кошкою вода.
Куда меня ведет, не знаю,
стежка,
Которая и в эту ночь видна.
Уж лучше пусть поет петух,
чем птица.

Она ведь плачет – всякий
примечал.
Я сам природы мелкая частица,
Но до чего же крупная печаль!
Как страшно быть на свете
одиноким...

Иду назад, минуя темный сад.
И мгла толпится до утра у окон.
И глухо рядом листья шелестят.
Как хорошо, что я встаю с зарею!
Когда петух устанет голосить,
Веселый бригадир придет за
мною.
И я пойду в луга траву косить.
Вот мы идем шеренгою косою.
Какое счастье о себе забыть!
Цветы ложатся тихо под косою,
Чтоб новой жизнью на земле
зажить.
И думаю я – смейтесь иль не смейтесь! —
Косьбой проворной на лугу
согрет,

Что той, которой мы боимся, – смерти,
Как у цветов, у нас ведь тоже нет!
А свежий ветер веет над плечами.
И я опять страдаю и люблю...
И все мои хорошие печали
В росе с косою вместе утоплю.

Цветы

По утрам, умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: – А как назывались? —
И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались – «анютины глазки».

На сенокосе

С утра носились,
Сенокосили,
Отсенокосили, пора!
В костер устало
Дров подбросили
И помолчали у костра.

И вот опять
Вздыхают женщины —
О чем-то думается им?
А мужики лежат,
Блаженствуя,
И в небеса пускают дым!

Они толкуют
О политике,
О новостях, о том о сем,
Не критикуют
Ради критики,
А мудро судят обо всем,

И слышен смех
В тени под ветками,
И песни русские слышны,
Все чаще новые,
Советские,
Все реже – грустной старины...

Осенняя луна

Грустно, грустно последние листья,
Не играя уже, не горя,
Под гнетущей погаснувшей высью,
Над заслеженной грязью и слизью
Осыпались в конце октября!

И напрасно так шумно, так слепо,
Приподнявшись, неслись над землей,
Словно где-то не кончилось лето,
Может, там, за расхлябанным следом, —
За тележной цыганской семьей!

Люди жили тревожней и тише,
И смотрели в окно иногда, —
Был на улице говор не слышен,
Было слышно, как воют над крышей
Ветер, ливень, труба, провода...

Так зачем, проявляя участие,
Между туч проносилась луна
И светилась во мраке ненастья,
Словно отблеск весеннего счастья,
В красоте неизменной одна?

Под луной этой светлой и быстрой
Мне еще становилось грустней
Видеть табор под бурей мгlistой,
Видеть ливень и грязь, и со свистом
Ворох листьев, летящий над ней...

1966

Журавли

Меж болотных стволов красовался восток
огнеликий...
Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг
журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом,
забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный
срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает
рыданье
И высокий полет этих гордых
прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть
на высоких своих!
Вот замолкли – и вновь сиротеет душа
и природа
Оттого, что – молчи! – так никто уж
не выразит их...

1966

«А между прочим, осень на дворе...»

А между прочим, осень на дворе.
Ну что ж, я вижу это не впервые.
Скулит собака в мокрой конуре,
Залечивая раны боевые.
Бегут машины, мчатся напрямик
И вдруг с ухаба шлепаются в лужу,
Когда, буксуя, воеет грузовик,
Мне этот вой выматывает душу.
Кругом шумит холодная вода,
И все кругом расплывчато и мглисто.
Незримый ветер, словно в невода,
Со всех сторон затягивает листья...
Раздался стук. Я выдернул засов.
Я рад обняться с верными друзьями.
Повеселились несколько часов,
Повеселились с грустными глазами...
Когда в сенях опять простились мы,
Я первый раз так явственно услышал,
Как о суровой близости зимы
Тяжелый ливень жаловался крышам.
Прошла пора, когда в зеленый луг
Я отворял узорное оконце —
И все лучи, как сотни добрых рук,
Мне по утрам протягивало солнце...

1966

Острова свои обогреваем

Захлебнулось поле и болото
Дождевой водою – дождались!
Прозябаньем, бедностью, дремотой
Все объято – впадины и высь!

Ночь придет – родимая окрестность,
Словно в омут, канет в темноту!
Темнота, забытость, неизвестность
У ворот как стража на посту.

По воде, качаясь, по болотам
Бор скрипучий движется, как флот!
Как же мы, отставшие от флота,
Коротаем осень меж болот?

Острова свои обогреваем
И живем без лишнего добра,
Да всегда с огнем и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра...

Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой – деревушка,
Может быть, вот этот уголок...

1966

В минуты музыки

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

1966

«Ветер всхлипывал, словно дитя...»

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленницы дров
Целовались от странного чувства.

Разве можно расстаться шутя,
Если так одиноко у дома,
Где лишь плачущий ветер-дитя
Да поленница дров и солома.

Если так потемнели холмы,
И скрипят, не смолкая, ворота,
И дыхание близкой зимы
Все слышней с ледяного болота...

1966

Идет процессия

Идет процессия за гробом.
Долга дорога в полверсты.
На ветхом кладбище – сугробы
И в них увязшие кресты.

И длится, длится поневоле
Тяжелых мыслей череда,
И снова слышно, как над полем
Негромко стонут провода.

Трещат крещенские морозы.
Идет народ... Все глубже снег...
Все величавее березы...
Все ближе к месту человек.

Он в ласках мира, в бурях века
Достойно дожил до седин.
И вот... Хоронят человека...
– Снимите шапку, гражданин!

1967

Ось

Как центостремительная сила,
Жизнь меня по всей земле носила!

За морями, полными задора,
Я душою был нетерпелив, —
После дива сельского простора
Я открыл немало разных див.

Нахлобучив «мичманку» на брови,
Шел в театр, в контору, на причал.
Полный свежей юношеской крови,
Вновь, куда хотел, туда и мчал...

Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, —
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась,

И вокруг любви непобедимой
К селам, соснам, ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!..

Зеленые цветы

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...

1967

Отплытие

Размытый путь. Кривые тополя.
Я слушал шум – была пора отлета, —
И вот я встал и вышел за ворота,
Где простирались желтые поля.

И вдаль пошел... Вдали тоскливо пел
Гудок чужой земли, гудок разлуки!
Но, глядя вдаль и вслушиваясь в звуки,
Я ни о чем еще не сожалел...

Была суровой пристань в поздний час,
Искрясь, во тьме горели папиросы,
И трап стонал, и хмурые матросы
Устало поторапливали нас.

И вдруг такой повеяло с полей
Тоской любви! Тоской свиданий кратких!
Я уплывал... все дальше... без оглядки
На мгlistый берег юности своей.

1967

Детство

Мать умерла.
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу.

Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жильё
И сумерки, и сырость...
Но вот однажды
Все переменялось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик: «Скорей!»,
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

Вот говорят,
Что скуден был паек,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, —
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонек.

До слез теперь
Любимые места!
И там, в глуши,
Под крышею детдома
Для нас звучало
Как-то незнакомо,
Нас оскорбляло
Слово «сирота».

Хотя старушки
Местных деревень
И впрямь на нас
Так жалобно глядели,
Как на сирот несчастных,
В самом деле,
Но время шло,
И приближался день,

Когда раздался
Праведный салют,
Когда прошла
Военная морока,
И нам подъем
Объявлен был до срока,
И все кричали:
– Гитлеру капут!

Еще прошло
Немного быстрых лет,
И стало грустно вновь:
Мы уезжали!
Тогда нас всей
Деревней провожали,
Туман покрыл
Разлуки нашей след...

1967

Ночь на родине

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!

И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сел не слыхивали грома!
Не встрепенется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,

И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я – былое не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг.

Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

В глуши

Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес,
Когда душе моей
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость
И полная река
Несет небесный свет, —
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет...

1967

В старом парке

Песчаный путь
В еловый темный лес.
В зеленый пруд
Упавшие деревья.
И бирюза,
И огненные перья
Ночной грозой
Вымытых небес!

Желтея грустно,
Старый особняк
Стоит в глуши
Запущенного парка —
Как дико здесь!
Нужна покрепче палка,
Чтоб уложить
Крапиву кое-как...

Покрывшись пеплом,
Гаснет бирюза.
И там, во тьме
Унылого строенья,
Забытого навек
Без сожаленья,
Горят кошачьи
Желтые глаза.

Не отыскать
Заросшие следы,
Ничей приход
Не оживит картины,
Лишь манят, вспыхнув,
Ягоды малины
Да редких вишен
Крупные плоды.

Здесь барин жил.
И, может быть, сейчас,
Как старый лев,
Дряхлеет на чужбине,
Об этой сладкой
Вспомнил он малине,
И долго слезы
Катятся из глаз...

Подует ветер!
Сосен темный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможет,
И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чем они шумят.

1967

Взглянул на кустик

Взглянул на кустик – истину постиг,
Он и цветет, и плодоносит пышно,
Его питает солнышко, и слышно,
Как в тишине поит его родник.

А рядом – глянь! – худые деревца.
Грустна под ними скудная лужайка,
И не звенит под ними балалайка,
И не стучат влюбленные сердца.

Тянулись к солнцу – вот и обожглись!
Вот и взялась нечаянная мука.
Ну что ж, бывает... Всякому наука,
Кто дерзко рвется в солнечную высь.

Зато с куста нарву для милых уст
Малины крупной, молодой и сладкой,
И, обнимая девушку украдкой,
Ей расскажу про добрый этот куст...

Купавы

Как далеко дороги пролегли!
Как широко раскинулись угодя!
Как высоко над зыбким половодьем
Без остановки мчатся журавли!

В лучах весны – зови иль не зови! —
Они кричат все радостней, все ближе...
Вот снова игры юности, любви
Я вижу здесь... Но прежних не увижу.

И обступают бурную реку
Все те ж цветы... но девушки другие,
И говорить не надо им, какие
Мы знали дни на этом берегу.

Бегут себе, играя и дразня,
Я им кричу: – Куда же вы? Куда вы?
Взгляните ж вы, какие здесь купавы! —
Но разве кто послушает меня...

1967

Старик

Идет старик в простой одежде.
Один идет издалека.
Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.

Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,
И было все полно печали
Над этой старой головой.

Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретится ему,
Глядел на птиц, глядел на елку...
Наверно, трудно одному.

Когда, поеживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.

Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.

Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч!

1967

Посвящение другу

Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...

Нет, меня не порадует – что ты! —
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда,

Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои, —
Я пришел к тебе в дни непогоды,
Так изволь хоть водой напои!

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...

Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!

1967

В лесу

1

В лесу,
под соснами,
На светлых вырубках
Все мысли слезные
Сто раз я выругал.
А ну поближе-ка
иди к сосне!
Ах, сколько рыжиков!
Ну как во сне...
Я счастлив, родина, —
Грибов не счесть.
Но есть смородина,
малина есть.
И сыплет листья лес,
Как деньги медные, —
Спасибо, край чудес!
Но мы не бедные...
А чем утешены,
что лес покинули
Все черти, лешие
И все кикиморы?..

2

Ах, вот —
колодина!

Я плакал здесь.
От счастья, родина.
Ведь счастье есть.
И счастье дикое,
И счастье скромное,
И есть великое,
Ну пусть – огромное.
Спасибо, родина,
что счастье есть...
А вот болотина.
Звериный лес.
И снова узкие
дороги скрещены, —
О эти русские
Распутья вещи!
Взгляну на ворона —
И в тот же миг
Пойду не в сторону,
а напрямик...
Я счастлив, родина.
Спасибо, родина.
Всех ягод лучше —
красная смородина...

1967

В осеннем лесу

Доволен я буквально всем!
На животе лежу и ем
Бруснику, крупную бруснику!
Пугаю ящериц на пне,
Потом валяюсь на спине,
Внимая жалобному крику
Болотной птицы... Надо мной
Между березой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости беспечной...
Я так люблю осенний лес,
Над ним – сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дорогою большою
Сказать: – Я был в лесу листом!
Сказать: – Я был в лесу дождем!
Поверьте мне, я чист душою...

1967

На ночлеге

Лошадь белая в поле темном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещая осенний мрак.

Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж, – подумал, – зайду давай?»
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне: – Ночевай!

И отправился в темный угол,
Долго с лавки смотрел в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!

Есть у нас старики по селам,
Что утратили будто речь:
Ты с рассказом к нему веселым —
Он без звука к себе на печь.

Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким столь.
Я спрошу его: – Надо сколько? —
Он ответит: – Не знаю сколь!

И отправится в тот же угол,
Долго будет смотреть в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!..

Ночеваю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне,
Только маятник с тихим боем
Все качается на стене,

Только изредка над паромной
Над рекою, где бакен желт,
Лошадь белая в поле темном
Вскинет голову и заржет...

1968

На автотрассе

Какая зловещая трасса!
Какая суровая быль!
Шоферы высокого класса
Газуют сквозь ветер и пыль.

Газуют во мраке таежном
По рытвинам в грозной ночи...
– Эй! Где тут начальник дорожный?
– Лежит у себя на печи...

Шоферы уносятся с матом,
Начальству от них не уйти!
Но словно с беспомощным братом
Со мной обошлись по пути.

Я шел, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
– Куда ты?
– В деревню Предтеча.
– Откуда?
– Из Тотьмы самой...

За мною захлопнулась дверца,
И было всю ночь напролет
Так жутко и радостно сердцу,
Что все мы несемся вперед,

Что все мы почти над кюветом
Несемся куда-то стрелой,
И есть соответствие в этом
С характером жизни самой!

1968

Последний пароход

Памяти А. Яшина

...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, —
Скажите мне, кто был тогда не рад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, большой, на борт облокотясь, —
Он, написавший столько мудрых книжек, —
Смотрел туда, где свет зари и грязь
Меж потонувших в зелени домишек.
И нас, пестрея, радовала вязь
Густых ветвей, заборов и домишек,
Но он, глазами грустными смеясь,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, —
Скажите, кто вернулся бы назад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг, —
Он, написавший столько мудрых книжек, —
На целый день расстраивался вдруг
Из-за каких-то мелких окунишек.

И мы, сосредоточась, чуть заря,
Из водных трав таскали окунишек,
Но он, всерьез о чем-то говоря,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом.
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим угором...

1968

О московском Кремле

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе – о, русская земля! —
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смиренность и гордыня —
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.
И смутно мне далекий слышен звон:
То скорбный он, то гневный и державный!
Бежал отсюда сам Наполеон,
Покрылся снегом путь его бесславный...

Да! Он земной! От пушек и ножа
Здесь кровь лилась... Он грозной
был твердыней!
Пред ним склонялись мысли и душа,
Как перед славной воинской святыней.
Но как – взгляните – чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный —
Ну не мираж ли сказочно-небесный —
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь – о, русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

1968

Во время грозы

Внезапно небо прорвалось
С холодным пламенем и громом!
И ветер начал вкривь и вкось
Качать сады за нашим домом.

Завеса мутного дождя
Заволокла лесные дали.
Кромсая мрак и бороздя,
На землю молнии слетали!

И туча шла гора горой!
Кричал пастух, металось стадо,
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.

Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

И все раскалывалась высь,
Плач раздавался колыбельный,
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный, Беспредельный...

1968

У размытой дороги...

Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто-то в телеге по ельнику едет и едет —
Позднее время – спешат запоздалые дроги.
Плачет звезда, холодея, над крышей сарая...
Вспомни – о родина! – праздник
на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной
мы катались играя,
Снег освещенный летел вороному под ноги.
Бег все быстрее... Вот вырвались
в белое поле.
В чистых снегах ледяные полынные воды.
Мчимся стрелой... Приближаемся
к праздничной школе...

Славное время! Души моей лучшие годы.
Скачут ли свадьбы в глуши
потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик
над селеньем,
Льется ли чудное пение детского хора, —
О, моя жизнь! На душе не проходит
волнение...
Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,
Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.
Что ж я стою у размытой дороги и плачу?
Плачу о том, что прошли
мои лучшие годы...

1968

Вечерние стихи

Когда в окно осенний ветер свищет
И вносит в жизнь смятение и тоску, —
Не усидеть мне в собственном жилище,
Где в час такой меня никто не ищет, —
Я уплыву за Вологду-реку!

Перевезет меня дощатый катер
С таким родным на мачте огоньком!
Перевезет меня к блондинке Кате,
С которой я, пожалуй что некстати,
Так много лет – не больше чем знаком.

Она спокойно служит в ресторане,
В котором дело так заведено,
Что на окне стоят цветы герани,
И редко здесь бывает голос брани,
И подают кадуйское вино.

В том ресторане мглисто и уютно,
Он на волнах качается чуть-чуть,
Пусть сосед поглядывает мутно
И задает вопросы поминутно, —
Что ж из того? Здесь можно отдохнуть!

Сижу себе, разглядываю спину
Кого-то уходящего в плаще,
Хочу запеть про тонкую рябину,
Или про чью-то горькую чужбину,
Или о чем-то русском вообще.

Вникаю в мудрость древних изречений
О сложном смысле жизни на земле.
Я не боюсь осенних помрачений!
Я полюбил ненастный шум вечерний,
Огни в реке и Вологду во мгле.

Смотрю в окно и вслушиваюсь в звуки,
Но вот, явившись в светлой полосе,
Идут к столу, протягивают руки
Бог весть откуда взявшиеся други.
– Скучаешь!
– Нет! Присаживайтесь все...

Вдоль по мосткам несется листьев ворох, —
Видать в окно, – и слышен ветра стон,

И слышен волн печальный шум и шорох,
И, как живые, в наших разговорах
Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон.

Когда опять на мокрый дикий ветер
Выходим мы, подняв воротники,
Каким-то грустным таинством на свете
У темных волн, в фонарном тусклом свете
Пройдет прощанье наше у реки.

И снова я подумаю о Кате,
О том, что ближе буду с ней знаком,
О том, что это будет очень кстати,
И вновь домой меня увозит катер
С таким родным на мачте огоньком...

1969

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне.

В эту пору с дороги буранной
Заявился ко мне на ночлег
Непонятный какой-то и странный
Из чужой стороны человек.

И старуха метель не случайно,
Как дитя, голосит за углом,
Есть какая-то жуткая тайна
В этом жалобном плаче ночном.

Обветшалые гнутся стропила,
И по лестнице шаткой во мрак,
Чтоб нечистую выпугнуть силу,
С фонарем я иду на чердак.

По углам разбегаются тени...
– Кто тут?.. – Глухо. Ни звука в ответ.
Подо мной, как живые, ступени
Так и ходят... Спасения нет!

Кто-то стонет всю ночь на кладбище,
Кто-то гибнет в буране – невмочь,
И мерещится мне, что в жилище
Кто-то пристально смотрит всю ночь...

1969

Сосен шум

В который раз меня приветил
Уютный древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор.

Какое русское селенье!
Я долго слушал сосен шум,
И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум.

Сижу в гостинице районной,
Курю, читаю, печь топлю.
Наверно, будет ночь бессонной,
Я так порой не спать люблю!

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

1969

Неизвестный

Он шел против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.

Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор
Сказала, к нему подступая:
– Бродяга. Наверное, вор...

Он шел. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!

Он вздрогнул, очнулся и снова
Забылся, качнулся вперед...
Он умер без крика, без слова,
Он знал, что в дороге умрет.

Он умер, снегами отпетый...
А люди вели разговор
Все тот же, узнавши об этом:
– Бродяга. Наверное, вор.

Кого обидел?

В мое окно проникли слухи.
По чистой комнате моей
Они проносятся, как мухи. —
Я сам порой ношусь по ней!

И вспомнил я тревожный ропот
Вечерних нескольких старух.
Они, они тогда по тропам
Свой разнесли недобрый слух!

– Ему-то, люди, что здесь надо?
Еще утащит чье добро! —
Шумели все, как в бурю стадо...
И я бросал свое перо.

Есть сердобольные старушки
С душою светлою, как луч!
Но эти! Дверь своей избушки
Хоть запирай от них на ключ!

Они, они – я это видел! —
Свой разнесли недобрый слух.
О Русь! Кого я здесь обидел?
Не надо слушать злых старух...

Ночное

Если б мои не болели мозги,
Я бы заснуть не прочь.
Рад, что в окошке не видно ни зги, —
Ночь, черная ночь!
В горьких невзгодах прошедшего дня
Было порой невмочь.
Только одно и утешит меня —
Ночь, черная ночь!
Грустному другу в чужой стороне
Словом спешил я помочь.
Пусть хоть немного поможет и мне
Ночь, черная ночь!
Резким свистящим своим помелом
Вьюга гнала меня прочь.
Дай под твоим я погреюсь крылом,
Ночь, черная ночь!

Наступление ночи

Когда заря
Смеркается и брезжит,
Как будто тонет
В омутной ночи,
И в гробовом
Затишье побережий
Скользят ее
Последние лучи,

Мне жаль ее...
Вот-вот... еще немножко...
И, поднимаясь
В гаснущей дали,
Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!

И так тревожно
В час перед набегом
Кромешной тьмы
Без жизни и следа,
Как будто солнце
Красное над снегом,
Огромное,
Погасло навсегда...

1969

Подорожники

Топ да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса.

Приуныли нынче подорожники,
Потому что, плача и смеясь,
Все прошли бродяги и острожники —
Грузовик разбрызгивает грязь.

Приуныли в поле колокольчики.
Для людей мечтают позвенеть,
Но цветов певучие бутончики
Разве что послушает медведь.

Разве что от кустика до кустика
По следам давно усопших душ
Я пойду, чтоб думами до Устюга
Погружаться в сказочную глушь.

Где мое приветили рождение
И трава молочная и мед,
Мне приятно даже мух гудение,
Муха – это тоже самолет.

Всю пройду дороженьку до Устюга
Через город Тотьму и леса,
Топ да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса!

1969

Привет, Россия...

Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле – по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия – родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

1969

Гуляевская горка

Остановись, дороженька моя!
Все по душе мне – сельская каморка,
Осенний бор, Гуляевская горка,
Где веселились русские князья.

Простых преданий добрые уста
Еще о том гласят, что каждодневно
Гуляла здесь прекрасная царевна, —
Она любила здешние места.

Да! Но и я вполне счастливый тип,
Когда о ней тоскую втихомолку
Или смотрю бессмысленно на елку
И вдруг в тени увижу белый гриб!

И ничего не надо мне, пока
Я просыпаюсь весело на зорьке
И все брожу по старой русской горке,
О прежних днях задумавшись слегка...

1969

Цветок и нива

Цветы! Увявшие цветы!
Как вас водой болотной хлещет,
Так с неприютной высоты
На нас водой холодной плещет.
А ты? По-прежнему горда?
Или из праздничного зала
На крыльях в прошлые года
Твоя душа летать устала?
И неужели, отлюбя,
Уж не волнуешься, как прежде, —
Бежишь домой, а на тебя
Водой холодной с неба плещет?
Сырое небо, не плечи
Своей водою неприютной!
И ты, сорока, не трещи
О нашей радости минутной!
Взойдет любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!

1969

Вологодский пейзаж

Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой,
И городская панорама
Открыта вся передо мной.
Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины.

Там, за рекою, свалка бревен,
Подъемный кран, гора песка,
И торопливо – час не ровен! —
Полощут женщины с мостка
Свое белье – полны до края
Корзины этого добра,
А мимо, волны нагоняя,
Летят и воют катера.

Сады. Желтеющие зданья
Меж зеленеющих садов
И темный, будто из преданья,
Квартал дряхлеющих дворов,
Архитектурный чей-то опус
Среди квартала... Дым густой...
И третий, кажется, автобус
Бежит по линии шестой.

Где строят мост, где роют яму,
Везде при этом крик ворон,
И обрывает панораму
Невозмутимый небосклон.
Кончаясь лишь на этом склоне,
Видны повсюду тополя,
И там, светясь, в тумане тонет
Глава безмолвного кремля...

1969

Тот город зеленый...

Тот город зеленый и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достойно, без лишней шумихи,
Поет, как в деревне, петух
На площади главной... Повозка
Порой громыхнет через мост,
А там, где овраг и березка,
Стопился народ у киоска
И тянет из ковшика морс,
И мухи летают в крапиве,
Блаженствуя в летнем тепле...
Ну что там отрадней, счастливей
Бывает еще на земле?
Взгляну я во дворик зеленый —
И сразу порадуют взор
Земные друг другу поклоны
Людей, выходящих во двор.
Сорву я цветок маттиолы
И вдруг заволнуюсь всерьез:
И юность, и плач радиолы
Я вспомню, и полные слез
Глаза моей девочки нежной
Во мгле, когда гаснут огни...
Как я целовал их поспешно!
Как после страдал безутешно!
Как верил я в лучшие дни!
Ну что ж? Моя грустная лира,
Я тоже простой человек, —
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...

1969

Прощальное

Печальная Вологда
дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

Замолкли веселые трубы
И танцы на всем этаже,
И дверь опустевшего клуба
Печально закрылась уже.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

И сдержанный говор печален
На темном печальном крыльце.
Все было веселым вначале,
Все стало печальным в конце.

На темном разъезде разлуки
И в темном прощальном авто
Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...

Бессонница

Окно, светящееся чуть.
И редкий звук с ночного омота.
Вот есть возможность отдохнуть...
Но как пустынна эта комната!

Мне странно кажется, что я
Среди отжившего, минувшего,
Как бы в каюте корабля,
Бог весть когда и затонувшего,

Что не под этим ли окном,
Под запыленной картиною
Меня навек затянет сном,
Как будто илом или тиною.

За мыслью мысль – какой-то бред,
За тенью тень – воспоминания,
Реальный звук, реальный свет
С трудом доходят до сознания.

И так раздумаешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости – испуг,
А вместо отдыха – мучение...

1969

До конца

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

1969

Поезд

Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лязганьем и свистом,
И ему навстречу желтым роем
Понеслись огни в просторе мглистом.
Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.
Поезд мчался с прежним напряженьем
Где-то в самых дебрях мирозданья,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья...
Вот он, глазом огненным сверкая,
Вылетает... Дай дорогу, пеший!
На разъезде где-то, у сарая,
Подхватил меня, понес меня, как леший!
Вместе с ним и я в просторе мглистом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мирозданья.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»

Но довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?

1969

У церковных берез

Доносились гудки
с отдаленной пристани.
Замутило дождями
Неба холодную просинь,
Мотыльки над водою,
усыпанной желтыми листьями,
Не мелькали уже – надвигалась осень...
Было тихо, и вдруг
будто где-то заплакали, —
Это ветер и сад.
Это ветер гонялся за листьями,
Городок засыпал,
и мигали бакены
Так печально в ту ночь у пристани.
У церковных берез,
почерневших от древности,
Мы прощались,
и пусть,
опьяняясь чинариком,
Кто-то в сумраке,
злой от обиды и ревности,
Все мешал нам тогда одиноким фонариком.
Пароход загудел,
возвещая отплытие вдаль!
Вновь прощались с тобой
У какой-то кирпичной оградины,
Не забыть, как матрос,
увеличивший нашу печаль,
– Проходите! – сказал.
– Проходите скорее, граждане! —
Я прошел. И тотчас,
всколыхнувши затопленный плес,
Пароход зашумел,
Напрягаясь, захлопал колесами...
Сколько лет пронеслось!
Сколько вьюг отсвистело и гроз!
Как ты, милая, там, за березами?

1969

Слез не лей...

Грязь кругом, а тянет на болото,
Дождь кругом, а тянет на реку,
И грустит избушка между лодок
На своем ненастном берегу.

Облетают листья, уплывают
Мимо голых веток и оград...
В эти дни дороже мне бывают
И дела, и образы утрат.

Слез не лей над кочкою болотной
Оттого, что слишком я горяч,
Вот умру – и стану я холодный,
Вот тогда, любимая, поплачь!..

1969

Осенний этюд

Утром проснешься на чердаке,
Выглянешь – ветры свистят!
Быстрые волны бегут по реке,
Мокнет, качается сад.

С гробом телегу ужасно трясет
В поле меж голых раки.
– Бабушка дедушку в ямку везет, —
Девочке мать говорит...

Ты не печалься! Послушай дожди
С яростным ветром и тьмой,
Это цветочки еще – подожди! —
То, что сейчас за стеной.

Будет еще не такой у ворот
Ветер, скрипенье и стук,
Бабушка дедушку в ямку везет,
Птицы летят на юг...

1969

Листья осенние

Листья осенние
Где-то во мгле мироздания
Видели, бедные,
Сон золотой увяданья,
Видели, сонные,
Как, натянувши поводья,
Всадник мрачнел,
Объезжая родные уголья,
Как, встрепенувшись,
Веселью он вновь предавался, —
Выстрел беспечный
В дремотных лесах раздавался!..
Ночью, как встарь,
Не слышать говорливой гармошки, —
Словно как в космосе,
Глухо в раскрытом окошке,
Глухо настолько,
Что слышно бывает, как глухо...
Это и нужно
В моем состоянии духа!
К печке остывшей
Подброшу поленьев беремя,
Сладко в избе
Коротать одиночества время,
В пору полночную
В местности этой невзрачной
Сладко мне спится
На сене под крышей чердачной,
Сладко, вдыхая
Ромашковый запах ночлега,
Зябнуть порою
В предчувствии близкого снега...
Вдруг, пробудясь,
По лесам зароптали березы,
Словно сквозь дрему
Рас слышали чьи-то угрозы,
Словно почувяли
Гибель живые созданья...
Вон он и кончился,
Сон золотой увяданья.

1969

Выпал снег...

Выпал снег —
и все забылось,
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилося,
Словно выпил я вина.

Вдоль по улице по узкой
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Снег летит – гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.

1969

Гололедица

В черной бездне
Большая Медведица
Так сверкает! Отрадно взглянуть.
В звездном свете блестя, гололедица
На земле обозначила путь...
Сколько мысли,
И чувства, и грации
Нам являет заснеженный сад!
В том саду ледяные акации
Под окном освещенным горят.
Вихревыми холодными струями
Ветер движется, ходит вокруг,
А в саду говорят поцелуями
И пожатием пламенных рук.
Заставать будет зоренька макова
Эти встречи – и слезы, и смех...
Красота не у всех одинакова,
Одинакова юность у всех!
Только мне, кто любил,
Тот не встретится,
Я не знаю, куда повернуть,
В тусклом свете блестя, гололедица
Преодо мной обозначила путь...

1969

Зимним вечерком

Ветер, не ветер —
Иду из дома!
В хлеву знакомо
Хрустит солома,
И огонек светит...

А больше —
ни звука!
Ни огонечка!
Во мраке вьюга
Летит по кочкам...

Эх, Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?

Давай пожелаем
Всем доброй ночи!
Давай погуляем!
Давай поохочем!

И праздник устроим,
И карты раскроем...
Эх! Козыри свежи.
А дураки те же.

1970

Поэзия

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, —
Мелькнет порой лугами, ветряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильней влечет она к себе!

Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жница,
И дни рекой зеркальной потекли...

Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот
бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,
И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...

1969

Далекое

В краю, где по дебрям, по рекам
Метелица свищет кругом,
Стоял запорошенный снегом
Бревенчатый низенький дом.

Я помню, как звезды светили,
Скрипел за окошком плетень,
И стаями волки бродили
Ночами вблизи деревень...

Как все это кончилось быстро!
Как странно ушло навсегда!
Как шумно – с надеждой и свистом —
Помчались мои поезда!

И все же, глаза закрывая,
Я вижу: над крышами хат,
В морозном тумане мерцая,
Таинственно звезды дрожат.

А вьюга по сумрачным рекам,
По дебрям гуляет кругом,
И весь запорошенный снегом
Стоит у околицы дом...

1969

Скачет ли свадьба...

Скачет ли свадьба в глуши потрясенного бора,
Или, как ласка, в минуты ненастной погоды
Где-то послышится пение детского хора, —
Так – вспоминаю – бывало и в прежние годы!

Вспыхнут ли звезды – я вспомню, что прежде
блистали
Эти же звезды. И выйду случайно к парому, —
Прежде – подумаю – эти же весла плескали...
Будто о жизни и думать нельзя по-другому!

Ты говоришь, говоришь, как на родине лунной
Снег освещенный летел вороному под ноги,
Как без оглядки, взволнованный,
сильный и юный,
В поле открытое мчался ты вниз по дороге!

Верил ты в счастье, как верят в простую удачу,
Слушал о счастье младенческий
говор природы, —
Что ж, говори! Но не думай, что если заплачу,
Значит, и сам я жалею такие же годы.

Грустные мысли наводит порывистый ветер.
Но не об этом. А вспомнилось мне, что уныло
Прежде не думал: «Такое, мне помнится,
было!»
Прежде храбрился: «Такое ли будет на свете!»

Вспыхнут ли звезды – такое ли будет
на свете! —
Так говорил я. А выйду случайно к парому, —
«Скоро, – я думал, – разбудят меня
на рассвете,
Как далеко уплыву я из скучного дому!..»

О, если б завтра подняться,
воспрянувши духом,
С детскою верой в бессчетные вечные годы,
О, если б верить, что годы покажутся пухом, —
Как бы опять обманули меня пароходы!..

1970

Ферапонтово

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

1970

«Чудный месяц плывет над рекою...»

«Чудный месяц плывет над рекою», —
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.

Неспокойные тени умерших
Не встают, не подходят ко мне.
И, тоскуя все меньше и меньше,
Словно Бог, я хожу в тишине.

И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!

Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...

1970

«Село стоит на правом берегу...»

Село стоит
На правом берегу,
А кладбище —
На левом берегу.
И самый грустный все же
И нелепый
Вот этот путь,
Венчающий борьбу
И все на свете, —
С правого
На левый,
Среди цветов
В обыденном гробу...

1970

Стоит жара

Стоит жара. Летают мухи.
Под знойным небом чахнет сад.
У церкви сонные старухи
Толкуют, бредят, верещат.

Смотрю угрюмо на калеку,
Соображаю, как же так —
Я дать не в силах человеку
Ему положенный пятак?

И как же так, что я все реже
Волнуюсь, плачу и люблю?
Как будто сам я тоже сплю
И в этом сне тревожно брежу...

1970

По вечерам

С моста идет дорога в гору.
А на горе – какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.

Былая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди,
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшей впереди!

Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И все ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.

Все так же весело и властно
Здесь парни ладят стремяна,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена...

1970

«Уже деревня вся в тени...»

Уже деревня вся в тени.
В тени сады ее и крыши.
Но ты взгляни чуть-чуть повыше —
Как ярко там горят огни!
Одна у нас в деревне мглистой
Соседка древняя жива,
И на лице ее землистом
Растет какая-то трава.
И все ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг вспыхнут все огни эфира,
И льется в душу свет с небес,
Когда деревня вся в тени,
И бабка спит, и над прудами
Шевелит ветер лопухами,
И мы с тобой совсем одни!

1970

Дорожная элегия

Дорога, дорога,
Разлука, разлука.
Знакома до срока
Дорожная мука.

И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Все дальше, все глуше.

Лесная сорока
Одна мне подруга.
Дорога, дорога,
Разлука, разлука.

Устало в пыли
Я влачусь, как острожник,
Темнеет вдали,
Приуныл подорожник,

И страшно немного
Без света, без друга,
Дорога, дорога,
Разлука, разлука...

1970

«Осень! Летит по дорогам...»

Осень! Летит по дорогам
Осени стужа и стон!
Каркает около стога
Стая озябших ворон.
Скользкой неровной тропюю
В зарослях пасмурных ив
Лошадь идет с водопою,
Голову вниз опустив.
Мелкий, дремотный, без меры,
Словно из множества сит,
Дождик знобящий и серый
Все моросит, моросит...
Жнивы, деревья и стены
В мокрых сетях полутьмы
Словно бы ждут перемены —
Чистой, веселой зимы!

1970

В дороге

Зябко в поле непросохшем,
Не с того ли детский плач
Все настойчивей и горше...
Запоздалый и продрогший
Пролетел над нами грач.
Ты, да я, да эта крошка —
Мы одни на весь простор!
А в деревне у окошка
Ждет некормленная кошка
И про наш не знает спор.
Твой каприз отвергнув тонко,
Вижу: гнев тебя берет!
Наконец, как бы котенка,
Своего схватив ребенка,
Ты уносишься вперед.
Ты уносишься... Куда же?
Рай там, что ли? Погляди!
В мокрых вихрях столько блажи,
Столько холода в пейзаже
С темным домом впереди.
Вместе мы накормим кошку!
Вместе мы затопим печь!..
Молча глядя на дорожку,
Ты решаешь понемножку,
Что игра... не стоит свеч!

1970

Под ветвями больничных берез

Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из пурпуровых перьев
Для кого-то последний закат...
Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его жизнь! —
Вдруг проносится «скорая помощь»,
И сирена кричит: «Расступись!»
Вот и я на больничном покое.
И такие мне речи поют,
Что грешно за участие такое
Не влюбиться в больничный уют!
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берез
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слез...
Нет, не все, — говорю, — пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело —
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьез
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берез...

1970

Гость

Гость молчит,
и я – ни слова!
Только руки говорят.
По своим стаканам снова
Разливаем все подряд.

Красным,
белым
и зеленым
Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье – хоть женись!

Я молчу, я слышу пенье,
И в прокуренной груди
Снова слышу я волнение:
Что же, что же впереди?

Как же так —
скажи на милость! —
В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?

Красным,
белым
и зеленым
Нагоняем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели Бога нет?

Расплата

Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачней, как вспомню об этом.

И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...

Поздно ночью откроется дверь.
Невеселая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.

Побледнеет и скажет: – Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..

И опять по дороге лесной
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...

1970

Сентябрь

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сеньях,
Словно бы праздник нагрянул
На златогривых конях!
Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!
И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

1970

Конец

Смерть приближалась,
приближалась,
Совсем приблизилась уже, —
Старушка к старику прижалась,
И просветлело на душе!

Легко, легко, как дух весенний,
Жизнь пролетела перед ней,
Ручьи казались, воскресенье,
И свет, и звон пасхальных дней!

И невозможен путь обратный,
И славен тот, который был,
За каждый миг его отрадней,
За тот весенний краткий пыл.

– Все хорошо, все слава Богу... —
А дед бормочет о своем,
Мол, поживи еще немного,
Так вместе, значит, и умрем.

– Нет, – говорит. – Зовет могилка.
Не удержать меня теперь.
Ты, – говорит, – вина к поминкам
Купи. А много-то не пей...

А голос был все глуше, тише,
Жизнь угасала навсегда,
И стало слышно, как над крышей
Тоскливо воют провода...

1970

«Я умру в крещенские морозы...»

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

1970

«Я люблю судьбу свою...»

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напьюсь,
Как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вон Есенин —
на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру,
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни
Новых русских деревенок?
Неужели
в свой черед
Надо мною смерть нависнет, —
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?

Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом,
А другой – жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...

1970

«Мы сваливать не вправе...»

Мы сваливать
не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет,
тот и правит,
Поехал, так держись!
Я повода оставил.
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы
и правил,
Да мне дороги нет...

1970

Что вспомню я?

Все движется к темному устью.
Когда я очнусь на краю,
Наверное, с резкою грустью
Я родину вспомню свою.
Что вспомню я? Черные бани
По склонам крутых берегов,
Как пели обозные сани
В безмолвии лунных снегов.

Как тихо сулоны пшеницы
В полях покидала заря,
И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

И нехотя так на сулоны
Садилась, клевали зерно, —
Что зерна? Усталым и сонным,
Им было уже все равно.

Я помню, как с дальнего моря
Матроса примчал грузовик,
Как в бане повесился с горя
Какой-то пропащий мужик.

Как звонко, терзая гармошку,
Гуляли под топот и свист,
Какую чудесную брошку
На кепке носил гармонист...

А сколько там было щемящих
Всех радостей, болей, чудес,
Лишь помнят зеленые чащи
Да темный еловый лес!

1970

